

ПРАВО

УДК 343.985.4

Р.Л. Ахмедшин

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Рассматривается комплекс проблем, характерный для экспериментальных следственных действий (проверки показаний, предъявления для опознания и следственного эксперимента). Проблемы использования тактических приемов в ходе проведения следственных действий разделены на две группы. В первую группу вошли проблемы, характерные для всех следственных действий, во вторую – для экспериментальных следственных действий. Многие проблемы, раскрытые в статье, анализируются впервые в отечественной криминалистической науке.

Ключевые слова: экспериментальные следственные действия; проверка показаний; предъявление для опознания; следственный эксперимент; тактический прием; тактика.

Экспериментальные следственные действия – следственный эксперимент, предъявление для опознания, проверка показаний на месте. Иногда данную группу следственных действий называют смешанной, так как она содержит элементы двух предыдущих групп (элемент расспроса и наблюдения) [1. С. 41].

Учитывая порой проявляющуюся негативную тенденцию в отечественной криминалистике усложнять простые вещи, отметим, что в название групп следственных действий (поисковые, коммуникативные, экспериментальные, исследовательские) вкладывается узкое толкование. Говоря об экспериментальных следственных действиях, речь идет не об эксперименте как синониме любого познания, а о деятельности, направленной на моделирование ситуации, в которой фактор общения и поиска выступает лишь второстепенным, следовательно, экспериментальные следственные действия – это действия, в которых непосредственное экспериментальное моделирование определяет основное содержание следственного действия.

Независимо от того, насколько тщательную разработку получили те или иные тактические приемы в теории, их практическое применение в ходе конкретных следственных действий может продемонстрировать их неэффективность и, тем самым, полностью или частично обесценить соответствующие теоретические положения. Сказанное относится и к реализации на практике тактических разработок, реализуемых при производстве экспериментальных следственных действий.

Были выявлены четыре группы объективных факторов, обуславливающих вероятные проблемы использования в процессе любых следственных действий тактико-криминалистических рекомендаций. К ним относятся:

- чрезмерно общий характер тактических рекомендаций, не предполагающий психотипологическую конкретизацию, исключений из этого правила немного [2];

- феномен привычного в контексте экспериментальной деятельности;

- психологическая неготовность руководствоваться необязательными правилами;

- негативная субъективность как личностный фактор, понижающий эффективность следственных действий.

Общий характер тактических рекомендаций, не предполагающий психотипологическую конкретизацию. Проблемы текущего уровня знаний, способные повлечь понижение эффективности тактических приемов, могут относиться и к уровню науки. Так, чрезмерно общий характер тактических рекомендаций, не предполагающий психотипологическую конкретизацию, является достаточно типичной для отечественной криминалистики проблемой, о которой ранее уже говорилось. Тактико-криминалистическая деятельность в рамках следственных действий, как имеющая громадное значение для расследования конкретного преступления и обладающая весьма специфическими особенностями, осуществляется благодаря наличию некоторых навыков, определяющих профессиональный уровень следователя. Объективно уровень этих навыков сильно варьируется у различных лиц, что, без сомнения, должно представлять профессиональный интерес для штатных психологов органов следствия и дознания, так как объективно предопределяет эффективность используемых тактических приемов без учета психотипологических особенностей активных участников следственных действий.

Феномен привычного в контексте тактико-криминалистической деятельности. Феномен «привычного» в контексте следственной деятельности в отечественной криминалистической науке фактически не рассматривался. Речь идет не об известном криминалистам механизме формирования конкретного навыка или способа действий [3], а о простейших психических формах восприятия и анализа окружающей среды. Мы говорим об отдельных аспектах расследования как стереотипизированной разновидности человеческой деятельности, алгоритм которой формируется с первых лет жизни человека, но природа которой слабо отличается от природы формирования конкретного навыка.

Высокая степень стереотипизации привычной деятельности – один из защитных механизмов, предохраняющий нашу психику от переутомления. В опи-

санной ситуации деятельность в процессе следственного действия, имеющая аналог с её бытовыми формами (общение в процессе допроса – бытовое общение, поиск в процессе обыска – поиск в быту), проявляется на уровне не профессиональных, а бытовых алгоритмов, ограничивающих профессиональную творческую составляющую.

Волевой контроль над проявлением вовне стереотипизированной привычной деятельности, без сомнения, существует, однако, исследуя природу волевых актов, необходимо помнить, что любой контроль за стереотипизированной деятельностью значительно понижает её эффективность в силу деавтоматизации привычных навыков и моделей поведения. Степень волевого контроля над деятельностью соответствует высокому уровню целеполагания и постановки задач, при этом также очень невысокому уровню контроля над способами достижения цели.

Выводом из сказанного будет утверждение о том, что многократно повторяемая деятельность объективно перестает быть критически оцениваемой с точки зрения полноценности и эффективности, а уж деятельность, привычная с момента психического становления, фактически перестает быть критически осознаваемой. Именно в силу сказанного поведение обычного человека, производящего экспериментальное моделирование, даже не отличающееся сложностью, но имеющее значительное количество аналогов в повседневной жизни, преисполнено большим количеством нерационально оцениваемых факторов и нерациональной затратой эмоциональных реакций. Причины этого внешне нерационального поведения заключаются в том, что хаотичный, лишенный системы алгоритм деятельности, сформированный на первых годах жизни, критически не оценивается и к осознанной деятельности может быть отнесен весьма условно. Однако человек в этом признаваться не склонен, так как полагает, что все его действия носят объективную природу, рационализируя причины неэффективного поведения.

Именно в силу сказанного, «привычное», в нашем случае «экспериментальное моделирование» затруднительно оптимизируется в процессе тактических рекомендаций, так как каждый взрослый человек искренне убежден, что уж смоделировать фрагмент произошедшего события он вполне способен и без мудрых наставлений, в том числе и тактико-криминалистических. Конечно, отметим, что феномен привычного гораздо в большей степени предопределяет недооценку тактического потенциала коммуникативных и поисковых, чем экспериментальных следственных действий.

Таким образом, можно утверждать, что люди в целом не склонны руководствоваться тактическими рекомендациями в сфере привычной деятельности, и в частности тактическими приемами оптимизации следственной деятельности.

Психологическая неготовность руководствоваться необязательными правилами. Обычно в тактико-криминалистических исследованиях постулируются желание и готовность использовать такти-

ческие приемы проведения следственных действий в случае их знания и понимания следователями и работниками дознания. Исследователи часто отмечают невысокий профессиональный уровень работников следствия и дознания исходя из того, что в практике расследования тактические приемы используются гораздо реже, чем того требует необходимость. Однако стоит прекратить упрекать работников правоохранительных органов в непрофессионализме, проистекающем из невысокого уровня владения знаниями о содержании тактических приемов. Развитая система юридического образования не позволяет даже ссылаться на невысокий уровень преподавания дисциплин криминалистического цикла. Однако если дело не в отсутствии знаний, тогда в чем?

Ранее проведенное нами исследование показало, что доминирующей психотипологической особенностью работников правоохранительных органов является выраженность в структуре их характера эпилептоидной акцентуации. С одной стороны, для представителей этого типа характерны пунктуальность и даже избыточная регламентированность, однако холерическая составляющая их личности предопределяет существование компенсационного механизма. Речь идет о предельно выраженной степени индивидуализма, который характеризуется сиюминутной аналитической составляющей. Представители рассматриваемого психотипа столь же рьяно склонны к соблюдению инструкций, как и неприятию дисциплины и порядка в нормативно нерегулируемых сферах, в том числе профессиональной.

Как известно, основным отличием тактического приема от процессуального правила является его целесообразность, а не нормативность. Процессуальное правило может быть нецелесообразным, к примеру проведение личного обыска лицом одного пола с обыскиваемым. Вместе с тем процессуальное правило всегда обязательно. Тактический прием необязателен, но он всегда целесообразен в конкретной ситуации.

Именно необязательность использования тактических рекомендаций и предопределяет нежелание их использовать как следствие убежденности субъекта в собственном высоком профессиональном уровне. Убежденность же в способности самостоятельного решения тактических проблем и есть компенсация за излишнюю склонность к регламентированности и существованию в иерархических системах, характерную для лиц эпилептоидного типа. Указанное обстоятельство, как показало наше исследование, дополнительно усиливается неблагоприятной обстановкой в семье и обидами, возникшими из-за несостоявшихся повышений по службе. В процессе исследования было проанкетировано 100 сотрудников МВД и Следственного комитета РФ.

Способом противодействия нежеланию использовать тактико-криминалистический инструментарий представителями эпилептоидной акцентуации выступает повышение уровня регламентирования использования тактических приемов. Напомним, что в целом представители эпилептоидного типа как наиболее распространенного среди работников следствия и до-

знания в очень значительной степени склонны к избыточной регламентированности.

Вероятно, ведомственные инструкции, пусть и в рекомендательном виде ориентирующие работников правоохранительных органов на использование тактических приемов, при проведении экспериментальных следственных действий будут способствовать повышению субъективной ценности тактических приемов у указанных лиц. Естественно, эти рекомендации не должны содержать общих советов и декларативных положений.

Негативная субъективность как личностный фактор, понижающий эффективность следственных действий. Безусловно, ряд факторов, обуславливающих человеческую деятельность, в том числе и по расследованию преступлений, предопределен текущим уровнем знаний конкретного лица (проблема незнания или недостаточного знания природы и содержания тактических рекомендаций), а также состоянием лица, проистекающим из желания сэкономить энергию (лень, усталость, хронобиологический интеллектуальный спад). Рассмотренные факторы при интенсивной коррекции могут быть осознанно нивелированы, что является главным признаком субъективного в природе человека. Действительно, и усталость, и пробелы в знаниях легко осознать и скорректировать. Справедливости ради следует сказать, что на рассматриваемую группу реально субъективных факторов отечественные криминалисты обращают достаточное внимание. Отметим также, что, по нашему глубокому убеждению, данный фактор выступает самым малозначительным в системе факторов, предопределяющих неэффективность использования тактико-криминалистических рекомендаций.

Помимо четырех групп объективных факторов, обуславливающих вероятные проблемы использования в процессе любых следственных действий тактико-криминалистических рекомендаций, мы выявили три группы факторов, обуславливающих вероятные проблемы использования в процессе экспериментальных следственных действий. К ним относятся:

- обманчивая простота экспериментальных следственных действий, под которой понимается простота не организационная, а содержательная;
- безличностное отношение к исследуемому лицу;
- детальная процессуальная регламентация экспериментальных следственных действий.

Обманчивая простота экспериментальных следственных действий. Отдельные виды следственных действий очень сильно различаются по трудозатратности, включающей значительное количество факторов, к примеру, таких как трудоемкость, сложность организации, конфликтность, недостаток исходных данных. Естественно, что следственные действия, обладающие повышенной трудозатратностью, объективно мобилизуют следователя, психологически предопределяя если не высокий, то достаточный уровень готовности к работе. Особенно сказанное относится к поисковым, отличающимся высокой степенью трудоемкости и сложности организации, а также к коммуникативным следственным действиям, отлича-

ющимся высокой степенью конфликтности. В рамках экспериментальных следственных действий, не обладающих в значительной степени описанными свойствами, для следователя объективно характерен если не легкомысленный, то часто недостаточно высокий уровень психологической мобилизации. Речь не идет об осознанном «легкомыслии», мы говорим о том, что сложная задача неосознанно предопределяет высокую концентрацию внимания и активную инициацию познавательных процессов, что не происходит при простом целеполагании.

Описанная невысокая степень психологической мобилизации у следователя наблюдается также в силу дополнительных факторов, к которым можно отнести следующие:

1. Перспектива получения сравнительно ограниченного объема информации. В процессе подготовки и проведения поисковых и коммуникативных следственных действий следователь психологически настроен на вероятность получения новой информации, ввиду обширности проводимых мероприятий и их широкого информационного спектра. При подготовке к проведению экспериментальных следственных действий следователь осознает комплекс четко определенных задач, что в его сознании упрощает сложность проводимых действий и предопределяет отсутствие объективной психической мобилизации, характерной для работы в условиях недостатка информации и её возможной трансформации.

2. Проверочная природа коммуникативных следственных действий. Для экспериментальных действий, в отличие от поисковых и коммуникативных следственных, гораздо в меньшей степени свойственна атмосфера «творческого» поиска ввиду достаточно выраженной проверочной природы проводимых действий. Очень часто для следователей является характерной установка на то, что проверочная природа предопределяет допустимость некоторой степени формальности следственного действия, некоего триггерного результата «да-нет», не предполагающего ценность вероятностной информации. Как это ни странно, чем лучше подготовился следователь к проведению экспериментального следственного действия, чем эффективнее был проведенный «предварительный» допрос, тем сильнее неосознанная установка, что большая часть творческой составляющей деятельности реализована и осталось только проведение несложных операций.

3. Ограниченная возможность изменения сценария следственного действия. Ограниченный перечень устанавливаемых обстоятельств в ходе экспериментальных следственных действий предопределяет достаточно жесткий сценарий проведения рассматриваемого следственного действия. В рамках достаточно жесткой последовательности у следователя, с высокой степенью вероятности, установка на внесение творческой составляющей не возникнет. Напомним, что готовность к активной познавательной деятельности при прочих равных условиях скорее возникнет у лица, находящегося в условиях недостатка информации, чем у лица, предполагающего, что оно владеет достаточным объемом информации.

4. Проблема тщательности проведения «предварительного» допроса проверяемого. Данная проблема проистекает из практики выявления значимых для экспериментальных следственных действий обстоятельств в процессе ряда коммуникативных следственных действий и игнорирования необходимости проведения отдельного допроса, посвященного выяснению обстоятельств, проверяемых в процессе экспериментального следственного действия. Проведение «предварительного» допроса перед экспериментальным следственным действием, в силу четко определенного комплекса задач и ясно поставленной цели, с тактической точки зрения, всегда будет эффективнее эпизодических фрагментов отдельных допросов, посвященных выяснению обстоятельств, значимых для проведения экспериментального моделирования.

Приведенные выше факторы возникают не от «ленности» ума следователя, а проистекают из присущей человеку склонности неосознанно ориентироваться на энергоэкономичное поведение, в том числе в области профессиональной. Состояние гомеостаза (энергоэкономии), без сомнения, может быть преодолено, но только в силу либо осознанных усилий, либо высокой профессиональной дисциплины следователя.

Безличностное отношение к исследуемому лицу. Феномен недооценки значимости личностного фактора во взаимодействии следователя с активной стороной экспериментальных следственных действий мы определим как безличностное отношение к экспериментируемому.

Установка близка к адлеровскому понятию «позиция личности». Можно говорить о системе установок, об установках интегральных, отдельных и частных, ситуационных. Установка малоизменчива и бессознательна (хотя и может быть осознана, при наличии целенаправленных усилий). Установка характеризуется готовностью к определенному роду деятельности и некоторой предопределенностью последующей деятельности от содержания установки.

Установки можно рассматривать как неосознанные отношения [4. С. 43], как готовность личности к определенной обусловленной потребностью деятельности, как механизм, опирающийся на прошлый опыт и определяющий особенности реагирования.

В контексте исследуемой нами темы значимо понимание того, что в практике проведения экспериментальных следственных действий часто встречается несколько механистическое восприятие следователем личности, над которой проводится экспериментальное моделирование. Указанное механическое восприятие складывается из ряда установок, существующих в сознании следователя. Сам следователь, без сомнения, понимает или, в крайнем случае, допускает абсурдность этих установок, но в процессе следственной деятельности неосознанно стремится к руководству ими. Содержание рассматриваемых установок в сознании следователя сводится к тому, что лицо, над которым проводится экспериментальное моделирование, должно:

5. «...помнить обстоятельства произошедшего преступного события». Несостоятельность данной установки может быть обусловлена или состоянием силь-

ного эмоционального волнения проверяемого в момент преступления (например, состоянием паники в момент нападения), или слабой актуальностью наблюдаемых им событий и событий, произошедших с ним (например, неактуальность факта наличия запорных устройств на двери мимо которой он проходил), или малозначимостью в сознании проверяемого фактов, явлений, действий, имеющих значение для следствия (например, неактуальностью привычки обращать внимания на частные признаки бытовой техники).

6. «...находится в состоянии психологической готовности к условиям экспериментального моделирования». Несостоятельность данной установки может быть обусловлена: возможной эмоциональной неустойчивостью психотипа проверяемого; низкой значимостью успеха следственного действия в системе ценностей проверяемого; невысоким уровнем развития особенности личности, которая выступает объектом экспериментального моделирования (например, неразвитой способностью запоминанию лиц или способностью к ориентированию в незнакомых местах); конфликтом со следователем – скрытым или явным.

7. «...не опасаться последствий следственного действия со стороны заинтересованных лиц». Процесс расследования преступлений объективно затрагивает интересы большого количества его участников, часть этих участников готовы на осуществление криминальных способов противодействия расследованию, что предопределяет объективность возникновения опасений у добросовестных участников экспериментального моделирования. Особенно сказанное характерно для процесса опознания живых лиц, но имеет значение и для иных экспериментальных следственных действий. Следователь, часто чувствующий себя «хозяином» в служебном помещении, нередко путает способность защитить добросовестного участника следственного действия у себя в кабинете и за его пределами. Если следователь при обеспечении безопасности проверяемого больше ориентируется на защиту в своем кабинете, то для проверяемого более актуальна защита вне пределов этого кабинета, которую он, как правило, не получает.

8. «...не опасаться последствий следственного действия со стороны закона». Согласно ст. 307 УК РФ (Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод) свидетель или потерпевший по уголовному делу в случае заведомо ложных показаний может быть наказан вплоть до лишения свободы сроком до 5 лет. Диапазон санкции данной статьи в своем многообразии (ч. 1 – штраф в размере до восьмидесяти тысяч рублей, или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательные работы на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительные работы на срок до двух лет, либо арест на срок до трех месяцев; ч. 2 – принудительные работы на срок до пяти лет либо лишение свободы на тот же срок) как будто специально ориентирован на создание опасений у лиц, дающих показания, на деморализацию этих лиц. Мы не говорим о ненужности данной нормы, речь идет о естественном

опасении сообщения информации со стороны свидетеля и потерпевшего, которая может быть воспринята следователем как заведомо ложная. Естественно, что в целом не доверяя правоохранительным органам, обыватель порой не склонен сообщать информацию, в которой не уверен, а часто и противоречащей иным собранным доказательствам информации, даже если проверяемый в ней уверен. К сожалению, мы с удовольствием сами бы опровергли тезис о необъективности недоверия обывателя правоохранительным органам, если бы ежегодно проводимые опросы в реальности, и тем более в виртуальности, не подтверждали этот тезис вновь и вновь.

Вероятно, первым шагом преодоления рассматриваемой безличной установки является детальное исследование личности проверяемого с использованием традиционных криминалистических способов, например биографического анализа личности [5].

Отметим еще одну интересную установку, которую часто можно встретить у лиц, проводящих экспериментальные следственные действия. Речь идет о склонности полагать, что если человек добровольно согласился на участие в экспериментальном следственном действии (речь в большей степени идет о следственном эксперименте и проверке показаний на месте), то результатам данного следственного действия можно доверять с высокой степенью вероятности. Конечно, это не всегда целесообразно, так как участие в рассматриваемых следственных действиях может быть элементами тактики противодействующей следователю стороны.

Детальная процессуальная регламентация экспериментальных следственных действий. Являясь сторонниками высокой степени процессуальной регламентации следственных действий, тем не менее, необходимо понимать негативные факторы, вытекающие из такой степени регламентации. Наиболее ярко негативность детальной процессуальной регламентации наблюдается именно в случае тактики экспериментальных следственных действий.

В отличие от остальных групп следственных действий, экспериментальные следственные действия по уровню детализации (в том числе имеющей тактическую природу) раскрыты в уголовно-процессуальном кодексе на качественно ином уровне. Так, в законе присутствует даже видовая классификация всех экспериментальных следственных действий, а именно приводится перечень видов следственного эксперимента (ст. 181 УПК РФ), предъявления для опознания (ч. 1 ст. 193 УПК РФ) и проверки показаний на месте (ч. 1 ст. 194 УПК РФ).

Качественно иной уровень предопределяется основаниями для классификации рассматриваемых следственных действий, которые традиционно привязываются не только к процессуальному статусу проверяемого, что для тактики не имеет большого значения, но и к содержательной составляющей. Действительно, с тактической точки зрения малозначимо выделение таких видов проверки показаний, как данных подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим или свидетелем, но значимо выделение таких видов провер-

ки, как направленных на непосредственную проверку или уточнение показаний.

Классификация, исходя из процессуального статуса участников следственного действия, в значительной степени незначима для достижения криминалистических целей, что предопределяет одинаковые тактические приемы, например, применительно к допросу обвиняемого и свидетеля или применительно к освидетельствованию потерпевшего и подозреваемого. В отношении коммуникативных следственных действий законодатель не выделяет тактически значимую классификацию участников на добросовестных и недобросовестных, участников обыска на конфликтующих и неконфликтующих. В отношении же экспериментальных следственных действий тактикозначимая классификация присутствует. Сказанное позволяет утверждать, что экспериментальным следственным действиям свойствен более высокий уровень процессуальной регламентации.

Как известно, основным отличием тактического приема от уголовно-процессуального правила является необязательность его использования. Тактический прием – наиболее оптимальный способ решения задачи, процессуальное правило – единственно возможный. Речь не идет о том, что процессуальное правило вполне может быть неоптимальным и даже нецелесообразным, хотя об этом тоже не стоит забывать. Мы говорим о том, что при высокой степени процессуальной регламентации резко растет вероятность ситуации, в которой следователь вынужден принимать большое количество обязательных, а не эффективных решений. Это первое негативное следствие высокого уровня процессуальной регламентации следственного действия.

Вторым негативным следствием высокого уровня процессуальной регламентации следственного действия является объективное снижение потенциала тактического воздействия. Сказанное вытекает из вполне естественного понимания, что тактическое поле в рамках каждого следственного действия выступает хотя и значительной, но ограниченной величиной. Увеличение количества нормативных предписаний уголовно-процессуального плана объективно уменьшает диапазон ситуаций, в которых следователь имеет возможность использовать тактический выбор. В случае с экспериментальными следственными действиями эта тенденция выражается в максимальной степени в силу целевого немногообразия характерного для названных следственных действий, в силу их частично проверочной природы и ограниченного количества проверяемых фактов.

Третьим негативным следствием высокого уровня процессуальной регламентации следственного действия является субъективное снижение потенциала тактического воздействия. Неоднократно говорилось о состоянии гомеостаза (стремления к равновесию, энергоэкономии) как базовому для человеческой психики в условиях, когда в рамках решения конкретных задач, в нашем случае задач экспериментальных следственных действий, существует значительное количество предписаний, слепое следование которым допус-

кает неиспользование творческого потенциала. Чем в большей степени выражен элемент детализации способов решения задачи, тем сильнее на неосознанном уровне мы стараемся некритично воспользоваться возможностью сохранения состояния гомеостаза. Вероятно, именно сказанное формирует у следователей установку на восприятие экспериментальных следственных действий как содержательно несложных, представляющих проблему преимущественно на уровне организационных мероприятий по подготовке к их проведению.

Выводы. Невысокий уровень знаний у работников правоохранительных органов, а также их непрофессионализм не являются глобально определяющими причинами игнорирования актуальности использования в процессе расследования тактико-криминалистических средств обеспечения расследования. Без сомнения, на практике подобные причины проявляются фрагментарно и определяют элементы непрофессионализма работников правоохранительных органов, но вывести эти причины на уровень системных нельзя.

Сказанное определяет ряд проблем использования тактических приемов в процессе всех следственных действий, которые сводятся к тому, что:

- тактические приемы должны быть адаптированы к лицу которое их использует, и к лицу, к которому они применяются;
- представители эпилептоидного типа, к которому принадлежит значительное количество следователей и дознавателей, в массе своей не склонны руководствоваться нормативно не закрепленными правилами, к которым и принадлежат тактико-криминалистические рекомендации;
- люди в целом не склонны руководствоваться тактическими рекомендациями в сфере привычной

деятельности, и, в частности, такое отношение распространяется также на тактические приемы оптимизации следственной деятельности.

Сказанное выше также определяет ряд проблем использования тактических приемов в процессе экспериментальных следственных действий, которые сводятся к тому, что:

- экспериментальным следственным действиям присуща кажущаяся простота, которая часто предопределяет установку на нетворческое восприятие алгоритмов проведения этих следственных действий;
- следователю необходимо преодолеть установку на безличностное восприятие проверяемого лица, что приведет к пониманию, что тактическая оптимизация экспериментального следственного действия определяется, в том числе, оптимизацией психического потенциала проверяемого лица;
- высокая степень процессуальной регламентации объективно не предопределяет простоты экспериментального следственного действия и не должна допускать восприятие экспериментальных следственных действий как содержательно несложных, представляющих проблему преимущественно на уровне организационных мероприятий по подготовке к их проведению.

Как и любые проблемы, неосознаваемые человеком, проблемы игнорирования необходимости использования тактико-криминалистического арсенала решаемы в процессе многократно повторяемой актуализации проблемы. Повышение квалификации работников правоохранительных органов мы видим не столько в области предоставления дополнительных знаний, сколько в сфере формирования навыков критичного восприятия собственного психического потенциала. Именно в контексте тактики экспериментальных следственных действий сказанное наиболее актуально.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шейфер С.А. Следственные действия. Основание, процессуальный порядок и доказательственное значение. М. : Юрлитинформ, 2004.
2. Алексеева Т.А. Основные проблемы исследования устной речи в криминалистике // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 152–154.
3. Ведерников Н.Т. Личность преступника в криминалистике и криминологии // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 148–152.
4. Мясичев В.Н. Психология отношений. Москва : Институт практической психологии ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1995.
5. Юань В.Л. Систематизация источников информации о личности допрашиваемого на этапе подготовки к допросу // Сборник материалов криминалистических чтений. Томск, 2015. № 11. С. 70–72.

Статья представлена научной редакцией «Право» 12 мая 2016 г.

PROBLEMS OF THE USE OF TACTICS IN THE COURSE OF EXPERIMENTAL INVESTIGATION ACTIONS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 407, 179–185.

DOI: 10.17223/15617793/407/28

Akhmedshin Ramil L. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

Keywords: experimental investigation actions; checking readings; presentation for identification; investigative experiment; tactical option; tactics.

The low level of knowledge among law enforcement officials, as well as their lack of professionalism, is not the globally determining cause of ignoring the urgency of the use in the investigation of the tactical and forensic means to ensure the investigation. Without a doubt, in practice, these reasons appear fragmentarily and determine the elements of non-professionalism of law enforcement personnel, but these reasons can not be recognized on the system level. The above determines a number of problems in the use of tactics in the course of investigation which sum up to the following: • tactical options must be adapted to the person who uses them and the person to whom they are applied; • representatives of the epileptic type, to which a large number of inspectors and investigators belong, do not mostly tend to follow the rules that are not fixed in the regulations, and tactical and forensic recommendations are this kind of rules; • people in general are not inclined to be guided by tactical recommendations in their usual activities, and,

in particular, such an attitude also applies to the tactics of investigative activity optimization. The above also identifies a number of problems in the use of tactics in the course of experimental investigation which sum up in the following: • experimental investigative actions seem simple, which often determines the tendency to perceive algorithms of these investigative actions in a non-creative way; • investigators must overcome the tendency to an impersonal perception of the person checked, which will lead to an understanding that the tactical optimization of an experimental investigative action is also determined by the optimization of the psychic potential of the person checked; • a high degree of procedural regulation does not objectively determine the simplicity of experimental investigation and must not allow the perception of experimental investigation as simple in content and as complicated mainly at the level of its organizational preparations. Like any problem unconscious for a person, the problem of ignoring the need for tactical and forensic arsenal use is solved in the process of repeatedly iterative problem actualization. Further training of law enforcement officers is seen not only in the provision of additional knowledge, but also in the formation of critical perception of their own psychic potential. It is in the context of the tactics of experimental investigation that the abovesaid is most important.

REFERENCES

1. Sheyfer, S.A. (2004) *Sledstvennye deystviya. Osnovanie, protsessual'nyy poryadok i dokazatel'stvennoe znachenie* [Investigative actions. The basis, the remedial order and the probative value]. Moscow: Yurlitinform.
2. Alekseeva, T.A. (2014) The main problems of research of speech in criminalistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 383. pp. 152–154. (In Russian).
3. Vedernikov, N.T. (2014) The identity of the offender in criminalistics and criminology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 384. pp. 148–152. (In Russian).
4. Myasishchev, V.N. (1995) *Psikhologiya otnosheniy* [Psychology of relations]. Moscow: Institut prakticheskoy psikhologii; Voronezh: NPO "MODEK".
5. Yuan', V.L. (2015) Sistematizatsiya istochnikov informatsii o lichnosti doprashivaemogo na etape podgotovki k doprosu [Ordering of sources of information about the person being questioned in preparation for interrogation]. *Sbornik materialov kriminalisticheskikh chteniy*. 11. pp. 70–72.

Received: 12 May 2016